

Маслов Александр Михайлович

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРЮСИКА - ТАЙНА СФЕРИЧЕСКОГО ПОНОСА

Наука это -Я!



Александр Маслов

Приключения Дрюсика.

Тайна сферического поноса

<https://litres.ru/74327173>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фантастическая повесть рассказывает о приключениях юного исследователя Дрюсика, который путешествует по волшебному лесу, изучая его необычные явления и существ. Главный герой, вооружённый блокнотом и карандашом, ведёт научные наблюдения за магическими феноменами: светящимися листьями, ручьём с яблочным соком, говорящими существами и другими чудесами леса.

В ходе своих исследований Дрюсик встречает разнообразных персонажей: механическую улитку Моталыгу, робота Пипселя, загадочного Пупочка и других необычных существ. Вместе они сталкиваются с различными опасностями и загадками волшебного леса, учатся взаимовыручке и пониманию.

Центральная тема произведения — исследование мира через призму научного любопытства, дружба между непохожими существами и важность сохранения баланса между тишиной и движением, между наукой и чудом.

Повесть будет интересна читателям, увлекающимся фэнтези с элементами научной фантастики, любителям необычных существ и магических приключений.

Содержание

1 Глава - Дырочка в старом пне	5
2 Глава – Мотолыга и звук «трынтус»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Маслов

Приключения Дрюсика.

Тайна сферического поноса

1 Глава - Дырточка в старом пне

Дрюсик брёл по волшебному лесу-долине, сжимая в руке карандаш так, будто от силы хвата зависела точность всех его будущих гипотез. В другой руке он держал блокнот — потрепанный, с загнутыми уголками, исписанный с обеих сторон листа, а местами ещё и на полях, где мелким почерком теснились уточнения, стрелки и восклицательные знаки.

Он рассуждал вслух — не потому что ждал ответа, а потому что, когда слова вылетают наружу, мысли перестают путаться и укладываются в аккуратные ряды, как пробирки в ящике лабораторного стола.

— Научное наблюдение номер четыреста семнадцать, — пробормотал он, останавливаясь и делая пометку на свежей странице. — Субъект наблюдения: листья породы неизвестной, условно именуемой «Кунка обыкновенная». Феноменология свечения: ночное, самопроизвольное, без видимого источника энергии.

Он нахмурился, перечитал написанное и добавил:

— Гипотеза: внутри листа содержится вещество особой природы — предположительно, люминофлюкс, — которое накапливает дневной свет посредством механизма фотоаккумуляции с последующей постепенной экспирацией в тёмный период суток. Альтернативная гипотеза: листья просто хотят светиться, потому что им так нравится.

Дрюсик поставил жирную точку, перечитал и решил, что обе гипотезы одинаково убедительны. А если честно — ему просто хотелось оставить место для чуда. Наука ведь не обязана всё объяснять. Иногда она просто должна аккуратно записать: «Тут что-то странное, надо присмотреться».

Волшебный лес вокруг продолжал заниматься своими делами: шелестел, покачивался, дышал чем-то сладким и немного сонным. Мох под ногами пружинил, будто специально был набит воздухом для удобства ходьбы. Дрюсик давно подозревал, что это именно так и устроено, но сформулировать гипотезу о мхе пока не успел — слишком много других явлений требовали немедленного изучения.

Вот, например, ручей.

Он присел на корточки у тонкой воды, которая бежала по серым камешкам с видом очень занятого существа, и зачерпнул ладонями. Яблочный сок. Снова.

Дрюсик методично отпил три глотка и попробовал определить оттенок: кисловатый, прохладный, с еле уловимой ноткой чего-то незнакомого — может быть, кислогадуса, а

может, просто воздуха, который здесь вообще был вкуснее обычного. В блокноте у него уже значилось наблюдение номер двести восемьдесят четыре, посвящённое этому ручью. Суть сводилась к тому, что вода не могла на вкус быть яблочным соком, потому что яблок в этом месте никаких не наблюдалось. Из чего следовал вывод: либо яблоки здесь спрятаны очень хорошо, либо вода умеет делать что-то, о чём науке пока неизвестно.

— Наука — это я, — тихо сказал Дрюсик, вытирая руки о штаны. — И мне пока неизвестно.

Небо над кронами было такое, что у непривычного человека могло заболеть голова от одного взгляда: там плыли облака совершенно неприемлемого вида — белые, пухлые, с завитками. Однажды он попробовал такое облако на вкус. Это был отдельный научный эксперимент, в который он не хотел вдаваться подробно, но запись в блокноте под номером триста один содержала пометку: «Подтверждено: сахарная вата, вкус ванили, тактильные ощущения — растворяется, оставляет на пальцах лёгкую клейкость под названием жибодран». Коллеги-исследователи оценили бы строгость методологии. Жаль, что коллег у него не было.

— Итак, — сказал он вслух, словно обращаясь к лесу, который всё равно не собирался отвечать. — Что мы имеем на сегодняшний день?

Лес ничего не ответил. Где-то высоко прошелестело что-то крылатое и сразу замолчало.

— Мы имеем, — продолжил Дрюсик, — четыреста семнадцать наблюдений, из которых восемьдесят три помечены звёздочкой как требующие повторной проверки. Мы имеем один блокнот, наполовину исписанный, и второй блокнот, начатый ещё позавчера. Мы имеем себя, то есть меня. Плюс карандаш и бутерброд с сосновым мёдом, который я берёг на вечер.

Пауза.

— Бутерброд я съел утром. Это было ошибкой.

Говорить вслух — давняя привычка. Когда тебе пять лет и родители уходят, а потом не возвращаются, сначала ты пытаешься говорить с тишиной, чтобы проверить, не вернётся ли она в виде голоса. Потом понимаешь, что тишина — это просто тишина, и начинаешь говорить с ней как с коллегой: не ждёшь ответа, но и не замолкаешь совсем. Иначе мысли путаются и гипотезы перестают выстраиваться в правильном порядке.

Ему было совершенно не одиноко.

Почти.

Он пожал плечами сам себе и записал в блокнот: «Научное наблюдение № 417 — продолжение. Личное: исследователь в хорошем расположении духа. Погода ясная. Мох мягкий. В целом всё отлично».

Зачеркнул «в целом всё отлично». Написал снова. Оставил.

Лес сделался тише примерно через двадцать шагов. Это

было странно — не потому что лес вдруг перестал шуметь совсем, а потому что шум стал другим. Пропали мелкие звуки: пiski, скрипы коры, шелест мелкой живности в траве. Осталось только что-то далёкое и неопределённое, как если бы за деревьями кто-то очень медленно дышал.

Дрюсик остановился и навёл нос вперёд.

Кисловатое.

Не яблочное — другое. Что-то немного сырое, немного острое, как будто бродивший камень, если бы камни умели бродить. Он принялся ещё раз, на этот раз методично, и записал: «Запах незнакомый. Кислотность предполагаемая, не уксусная, скорее — органическая. Напоминает запах дро-чильдауса, который бывает перед чем-то важным, хотя это антинаучно».

Птицы молчали.

Мох здесь был темнее, почти серый, и вдавливался под ногой не мягко, как раньше, а как-то осторожно — будто не хотел лишний раз о себе напоминать.

— Любопытно, — сказал Дрюсик тихо.

И в этот раз тишина всё-таки ответила. Не словами — просто сгустилась чуть сильнее, как будто прислушалась в ответ.

Он поправил блокнот под мышкой, сжал карандаш крепче и сделал шаг вперёд.

Пень он увидел неожиданно — он просто стоял посреди небольшой прогалины, огромный и невозмутимый, как будто всегда тут и был, только никто не удосуживался на него смотреть.

Дрюсик остановился.

Пень был серьёзным. Это первое слово, которое пришло ему в голову, — серьёзный пень. Не просто кусок мёртвого дерева, а именно что объект, обладающий характером. Диаметр он был примерно с три его руки, сложенных в кружок, — он примерил и записал: «Приблизительно метр шесть, плюс-минус мои руки». Кора давно облупилась и стала частью мха, который затянул пень почти целиком. Мох был трёх видов: плоский серо-зелёный, пушистый тёмно-изумрудный и ещё какой-то третий, который он не мог определить на взгляд, потому что он был ни тем ни другим, а как будто обиделся и решил быть сам по себе. Сверху пень зарос чем-то похожим на траву, но не траву — слишком толстые стебли, слишком тёмные, почти фиолетовые у основания.

— Так, — сказал Дрюсик деловито и открыл блокнот.

Записал: «Наблюдение № 418. Объект: пень обыкновенный, подвид — с дырочкой».

Поднял карандаш. Посмотрел на пень ещё раз.

«Дырочку» он заметил не сразу — именно потому, что она была совсем маленькой. У самого основания, там, где пень уходил в землю и мох становился совсем уж непроходимым, темнело круглое отверстие. Он присел на корточки

и поднёс к нему руку — нет, меньше кулака. Значительно меньше. Примерно с крупное яблоко, если яблоко было бы тёмным и круглым и не яблоком.

— Дырочка, — подтвердил он вслух и записал это же слово в блокнот уже официально.

Дальше он поступил как положено: измерил пень шагами по периметру (вышло одиннадцать маленьких шагов или семь нормальных; записал оба варианта), осмотрел верхушку на предмет аномалий (ничего, кроме фиолетовой травы и жука, который смотрел на него с нескрываемым подозрением), понюхал мох с трёх сторон и зафиксировал: «Запах — землистый, чуть сладкий, и ещё что-то, напоминающее запах закрытой комнаты, в которой давно никто не открывал окна, хотя у пня нет ни комнаты, ни окон, что само по себе интересно».

Потом вернулся к дырочке.

Она была тёмная и ровная — подозрительно ровная для природного образования. Он поднёс к ней карандаш и убедился, что он туда не пролезет. Попробовал мизинец — тоже не пролезет. Попробовал зажмурить один глаз и заглянуть — ничего не увидел, только темноту, хотя это могло означать либо «внутри пусто и темно», либо «внутри что-то есть и темно», а разница, как любой приличный исследователь знает, принципиальная.

— Темно, — констатировал он в блокнот. — Природа темноты неустановленная.

И вот тут он почувствовал сквозняк.

Это было странно само по себе — сквозняк из дырки в пне посреди прогалины, где никакой сквозняк не имел ни малейшего права находиться. Но это был именно сквозняк, и он был тёплым. Не просто не холодным, а именно тёплым — как от чашки чая, поставленной рядом, или как воздух из комнаты, в которой горит свеча и только что поели чего-то горячего. Он поднёс ладонь поближе и убедился: да. Тёплое. Дышащее.

Рука сама потянулась к блокноту.

«Гипотеза, — написал он, — дырочка является выходным отверстием внутрипнёвого термодинамического контура».

Он остановился и перечитал. Потом написал под этим: «Значение термина „внутрипнёвый термодинамический контур“ уточнить позже».

И добавил: «Но звучит убедительно».

Тёплый воздух шёл равномерно — не порывами, а ровно и почти ритмично. Если бы он был склонен к поэтическим преувеличениям, он бы написал, что пень дышит. Но он был исследователем с четырьмястами восемнадцатью наблюдениями, поэтому написал: «Характер воздушного потока — квазиритмический, по предварительной оценке напоминает дыхательный цикл существа среднего размера, однако пни в большинстве известных науке случаев не дышат, за исключением случаев, которые науке не известны».

Снаружи снова всё было тихо.

Жук с верхушки пня куда-то ушёл — он не заметил когда. Фиолетовая трава не шевелилась. Тёплый воздух продолжал выходить из дырочки мерно и спокойно, как будто никакой спешки не было и он никуда не торопился.

Он ещё раз заглянул в темноту.

Темнота заглянула обратно.

— Любопытно, — сказал Дрюсик тихо — это слово само нашлось, потому что другого не было. Потом присел поудобнее, положил блокнот на колено и приготовился ждать. Исследователь, который уходит от тёплой загадочной дырки в пне, — не настоящий исследователь. Это он знал точно.

Ждать он умел.

Это один из важных навыков исследователя — ждать и не делать при этом вид, что всё понимаешь. Он сидел на корточках перед пнём, положив блокнот на колено и карандаш — поперёк блокнота, и смотрел на дырочку. Дырочка смотрела обратно. Тёплый воздух выходил из неё мерно и терпеливо, и лес вокруг был такой же мерный и терпеливый, и фиолетовая трава не шевелилась, и всё это вместе производило впечатление совершенно законченной картины, в которой ничего не должно было произойти.

Поэтому, когда оно произошло, он не был готов.

Сначала воздух из дырочки участился — он это почув-

ствовал раньше, чем понял, что чувствует, — потом внутри пня что-то возмущённо запыхтело, потом раздался звук, который он впоследствии обозначил в блокноте как «влажный хлопок с призвуком возмущения», и прямо ему в нос что-то прилетело.

Что-то тёплое. Маленькое. Мягкое. И совершенно не предупреждённое о правилах приличного поведения в отношении исследователей.

Он не успел отреагировать. Он вообще не успел ничего — просто сидел, а на носу у него сидело существо. Маленькое, пушистое, круглое примерно, как клубок шерсти, если бы клубок шерсти умел глядеть. А оно умело — двумя круглыми глазами цвета переспелой смородины оно глядело прямо в его глаза, с расстояния примерно восьми сантиметров, и не выражало никакого беспокойства по поводу происходящего.

Блокнот упал.

Это был первый раз за... он даже не мог сходу вспомнить, за сколько времени. Блокнот просто выпал из руки — сам, без всякого участия его воли — и шлёпнулся в фиолетовую траву обложкой вниз, и карандаш отлетел отдельно, и он ничего с этим не сделал, потому что на носу у него сидел дрыгус.

Это был дрыгус. Он знал дрыгусов — видел двух или трёх за всё время исследований, записал наблюдения, присвоил порядковые номера. Но те дрыгусы были серые, пугливые и держались в траве, а этот был рыжевато-белый, нахальный и

держался у него на носу.

Они смотрели друг на друга.

Существо моргнуло. Медленно, обстоятельно — оба глаза сразу, как моргают существа, которым совершенно некуда спешить.

Он, кажется, тоже моргнул. Не уверен. Внутренние показания приборов в этот момент были ненадёжны.

— Э, — сказал он.

Существо не ответило, но и не убежало. Оно чуть повернуло голову — вправо, потом влево, как будто сверяло его с каким-то внутренним каталогом и не находило точного совпадения, но и катастрофического расхождения тоже не находило. Потом издало звук.

Это не был писк. Это не был мям. Это не было ни одним из двадцати семи звуков, которые он за годы исследований научился распознавать и приблизительно классифицировать. Это был звук где-то посередине между «ммн» и «пф», с лёгкой вибрацией в конце, и он выражал что-то вполне определённое — только что именно, он не мог бы сказать точно, но ощущение было такое, что существо подвело итог и осталось в целом не разочаровано.

Он медленно, чтобы не спугнуть, потянулся за блокнотом. Существо наблюдало за рукой.

Он поднял блокнот, нашарил карандаш, перевернул страницу. Рука у него при этом подрагивала — совсем чуть-чуть, но он это заметил и записал бы отдельно, если бы не был за-

нят более важным.

«Существо, — написал он, — тип: дрыгус. Подвид: пнёвый (предположительно, за отсутствием других данных). Окрас: пушистый рыжевато-белый, равномерный, без пятен. Поведение: нахальное. Точка первого контакта: нос исследователя».

Он остановился, перечитал последнее и добавил: «Нос исследователя — левая сторона, ноздря, прилегающая область».

Существо на носу у него не шевелилось. Только хвост — он теперь видел, что у него есть хвост, короткий и пушистый, как помпон, — этот хвост слегка покачивался сам по себе, с той медитативной неторопливостью, с которой качаются маятники у очень старых часов.

— Ты откуда? — спросил он.

— Мнпф, чикпукрык, — ответил дрыгус.

Он записал: «Вокализация: „мнпф, чикпукрык“. Семантика не установлена. Контекст: ответ на вопрос о происхождении».

Потом подумал и дописал: «Интонация вопросительная или утвердительная — неясно. Возможно, оба варианта одновременно».

Существо подалось чуть вперёд — прямо к его лицу — и понюхало его. Не торопясь, методично, сначала переносицу, потом левую бровь, потом край уха. Нос у него был маленький и влажный, и его прикосновения он почти не чув-

ствовал, но чувствовал дыхание — такое же тёплое, как воздух из дырочки, и теперь было совершенно очевидно, что именно это дыхание он всё время и ощущал. Что-то маленькое, круглое и нахальное сидело внутри старого пня и ровно дышало, и дышало оно прямо в сторону мира.

— Знаешь, — сказал он, — я провёл там, снаружи, примерно... — он попытался восстановить в памяти, сколько именно он простоял у пня. — Долго.

— Мнпф, чикпукрык, — согласился дрыгус.

— Я думал, что внутри термодинамический контур.

— Мнпф.

— Это не оскорбление, — уточнил он на всякий случай.
— Это была гипотеза.

Оно посмотрело на него ещё раз — долго, серьёзно, с видом существа, которое приняло решение и намерено ему следовать. Потом, без всякого предупреждения и без суеты, сползло с носа на щёку, с щеки — на плечо, с плеча — на грудь, нашло нагрудный карман его куртки, заглянуло в него одним глазом, удовлетворённо произнесло нечто между «мм» и «х» и залезло внутрь.

Там оно потопталось немного — он это чувствовал, — легло, повернулось, снова легло и затихло.

Он смотрел вниз, на карман.

Из кармана торчало ухо. Одно, маленькое, слегка треугольное.

— Э, — сказал он снова.

Ухо не отреагировало.

Он поднял блокнот. Долго смотрел на чистую строчку. Потом написал медленно, тщательно, как пишут что-то важное:

«Существо расположилось в нагрудном кармане исследователя. Предположительно — на постоянной основе. Поведение соответствует модели „как будто всегда там жил“. Данная модель ранее в полевых условиях не наблюдалась».

Он перечитал.

Дописал: «Рабочее название существа: Пупочек. Основание для названия: субъективное».

За лесом где-то далеко прокричала хахахчурка — звонко и с явным самодовольством, как кричат птицы, которым не нужно ничего объяснять. Фиолетовая трава тихо стояла вокруг пня. Пень выглядел совершенно опустевшим и немного разочарованным.

Пупочек в кармане вздохнул, тёплым и ровным образом, и затих окончательно.

Он сидел ещё немного, потом встал, отряхнул колени, убрал блокнот под мышку и сказал пню — просто так, для протокола:

— Спасибо за экспонат.

2 Глава – Мотолыга и звук «трынтус»

Дрюсик шагал по лесу, время от времени заглядывая в блокнот и бормоча себе под нос:

— Наблюдение № 419. Субъект: исследователь. Состояние: бодрое, слегка голодное (бутерброд с сосновым мёдом окончательно признан ошибкой). Сопутствующий объект: Пупочек. Статус: по-прежнему в кармане. Поведение: периодическое шевеление, сопровождаемое звуком «мнпф».

Пупочек в кармане в этот самый момент как раз и издал свой фирменный «мнпф» — будто подтверждал, что всё идёт по плану. Дрюсик даже не вздрогнул: за утро он уже привык к тому, что его нагрудный карман ведёт себя как живой.

— И главное, — продолжал он рассуждать вслух, — не стоит недооценивать фактор шевеления. В научной классификации это может быть отдельным параметром. Например: «степень пушистости — высокая, степень шевеления — умеренная, степень нахальства — критическая».

Из кармана донеслось что-то похожее на фыркание.

— Ты со мной не согласен? — уточнил Дрюсик. — Это нормально. Науке нужны дискуссии. Даже если дискуссия

состоит из одного «мнпф».

Он как раз собирался записать «гипотезу о пушистых шевелящихся объектах» на отдельной странице, когда впереди что-то загрохотало. Не как гром, а как будто кто-то очень большой уронил целую тележку шестерёнок, а потом попытался это скрыть, накрыв всё одеялом.

Дрюсик замер.

Потом медленно, по всем правилам полевой осторожности, выглянул из-за куста.

И увидел Моталыгу.

Это была исполинская улитка, чья раковина напоминала нераскрывшийся бутон сказочного цветка — только бутон этот был явно спроектирован инженером с чувством юмора. Корпус Моталыги покрывали хромированные детали, будто кто-то разобрал мотоцикл и аккуратно прикрутил его к улитке, не особо заботясь о логике. Спереди торчали две мощные фары-глаза, которые вращались независимо друг от друга: одна смотрела на Дрюсика, другая — куда-то в сторону, будто высматривала что-то более интересное.

А ещё у Моталыги была улыбка. Широкая, искренняя и немного пугающая. В этой улыбке рядом сидели зубы, подозрительно похожие на шестерёнки мотоблока. И они не просто стояли — они тихонько пощёлкивали, будто улитка репетировала какую-то сложную мелодию, но пока не могла попасть в такт.

Моталыга медленно ползла, оставляя за собой след из све-

тящейся смазки, которая переливалась всеми цветами радуги, как пролитое машинное масло под дождём. Каждый её шаг сопровождался звуком, который Дрюсик позже в блокноте обозначит как «тяжёлое металлическое шуршание с элементами самодовольства».

— Это... — начал он, доставая карандаш.

Но не успел. Потому что рядом с Моталыгой, прямо у её гигантского, блестящего бока, стоял крошечный робот. Он был размером с ладонь, собран из деталей, которые выглядели так, будто их нашли в коробке «всё по десять копеек», и у него была одна-единственная функция: издавать звук «трынтус».

И он её выполнял.

— Трынтус, — сказал робот.

Потом помолчал.

— Трынтус.

Потом снова помолчал, будто давал слушателям время осознать глубину сказанного.

— Трынтус.

Дрюсик уставился на него.

— Ты... это... — пробормотал он. — Ты только это и говоришь?

Робот посмотрел на него круглыми, слегка перекошенными глазами-лампочками, будто пытался понять, не является ли вопрос частью какого-то сложного ритуала. Потом наклонился вперёд, будто собирался раскрыть великую тайну, и

выдал:

— Трынтус.

— Ясно, — вздохнул Дрюсик и быстро записал: «Субъект: робот. Классификация: моноречевой. Основной функционал: озвучивание концепции „трынтус“. Семантика: не установлена. Вероятность понимания: нулевая. Вероятность привыкания: высокая».

Моталыга тем временем остановилась, её фары-глаза синхронно повернулись к Дрюсику, а улыбка стала ещё шире — если такое вообще было возможно.

— Привет! — прогудела она голосом, в котором слышался лёгкий металлический скрежет, будто слова проходили через старую кофемолку. — Я Моталыга! Я ползу и улыбаюсь! Это мой стиль!

Дрюсик моргнул.

— Э... здравствуйте, — осторожно сказал он. — Я Дрюсик. Я исследую и записываю. Это мой стиль.

— Отлично! — радостно прогудела Моталыга. — Значит, мы оба занимаемся важным делом! Я — ползу и улыбаюсь, ты — пишешь и моргаешь!

— Я не только моргаю, — возразил Дрюсик, чувствуя, что научная репутация под угрозой. — Я ещё классифицирую и формулирую гипотезы.

— О, гипотезы! — восторженно отозвалась Моталыга, и её шестерёнки-зубы радостно щёлкнули. — Обожаю гипотезы! Особенно те, в которых есть слова «блестящее», «жуж-

жит» и «может пригодиться».

Дрюсик открыл блокнот и записал: «Гипотеза № 1: Моталыга воспринимает мир как набор потенциально полезных деталей. Подтверждение: улыбка содержит шестерёнки».

Тут из кармана снова донеслось «мнпф», и Пупочек высунул ухо наружу.

Моталыга заметила это движение и тут же наклонилась, насколько позволяла её массивная конструкция, чтобы лучше рассмотреть.

— Ой! — воскликнула она. — Пушистик! Какой хорошенький! Можно потрогать?

Пупочек замер. Его ухо застыло в воздухе, как антенна, настроенная на что-то очень важное. Он не отпрянул, не зашипел, не попытался спрятаться. Но и радости не выказал. Он просто смотрел на Моталыгу так, будто видел перед собой нечто, что не вписывалось ни в одну из его внутренних категорий.

— Он... — начал Дрюсик, подбирая слова. — Он осторожный. И немного недоверчивый.

— Понимаю, — серьёзно кивнула Моталыга, хотя её улыбка ничуть не уменьшилась. — Доверие надо заслужить. Например, не пытаться сразу прикрутить пушистика к чему-нибудь блестящему.

— Хорошая политика, — одобрил Дрюсик.

Тем временем крошечный робот, который всё это время стоял рядом и методично выдавал своё «трынтус», вдруг

подпрыгнул, сделал кувырок и приземлился прямо на край светящегося следа, который оставляла Моталыга. Он постоял там, будто позируя, потом посмотрел на всех по очереди и выдал:

— Трынтус.

Дрюсик не выдержал и хихикнул.

— А это кто? — спросил он у Моталыги.

— Это Пипсель! — гордо представила улитка. — Он мой помощник. Говорит только «трынтус», зато делает это с душой!

Пипсель услышал своё имя, приосанился, поднял одну ногу, будто собирался исполнить торжественный танец, но ограничился тем, что наклонился и сказал:

— Трынтус.

— Очень содержательно, — пробормотал Дрюсик, делая ещё одну запись: «Пипсель: коммуникация — минималистичная, экспрессия — максимальная».

Моталыга тем временем наклонилась ещё ниже и прошептала, хотя её шёпот всё равно звучал как скрежет металла по стеклу:

— Знаешь, что самое интересное? Пупочек... он как-то по-особенному на меня реагирует. Не как на обычную улитку. Будто чувствует что-то.

Дрюсик покосился на карман. Пупочек по-прежнему выглядывал одним ухом, и это ухо слегка подрагивало, как будто ловило невидимые волны.

— Может, он просто не привык к улиткам с зубами? — предположил Дрюсик.

— Может быть, — задумчиво протянула Моталыга. — А может, он чувствует механизм. Я ведь не просто улитка. Я — механическая. И внутри у меня столько шестерёнок, что даже я иногда забываю, какая за что отвечает.

Она постучала по своей раковине, и оттуда донёлся мелодичный звон, будто внутри кто-то осторожно перебирал колокольчики.

Пупочек тихо фыркнул.

— Мнпф, — сказал он, вылезая из кармана и устраиваясь на плече у Дрюсика.

Теперь он смотрел на Моталыгу открыто, без опаски, но и без восторга. В его взгляде читалось что-то вроде: «Я тебя вижу. И я тебя понимаю. Но пока не решил, нравится ли мне это».

— Видишь? — тихо сказала Моталыга. — Он чувствует.

Дрюсик хотел было записать это как «наблюдение о сенсорной чувствительности Пупочка к механическим объектам», но потом подумал и просто написал: «Пупочек и Моталыга: контакт установлен. Пока без рукопожатий».

Пипсель, который, казалось, устал быть в стороне, подбежал к Пупочку, остановился прямо перед ним, посмотрел снизу вверх и торжественно произнёс:

— Трынтус.

Пупочек наклонил голову, будто прислушиваясь не к сло-

вам, а к чему-то за ними. Потом медленно протянул лапку и коснулся антенны Пипселя.

— Мнпф, — сказал он.

Пипсель замер, будто получил самое важное сообщение в своей жизни. Потом подпрыгнул, крутанулся на месте и выдал:

— Трынтус!

На этот раз с восклицательным знаком.

Дрюсик улыбнулся.

— Кажется, они подружились, — сказал он.

— Или заключили дипломатический союз, — добавила Моталыга. — В любом случае, это прогресс.

Он закрыл блокнот и посмотрел на свою маленькую, но уже такую разношёрстную компанию: огромная механическая улитка с улыбкой из шестерёнок, крошечный робот, чей словарный запас уместился в одно слово, и пушистый дрюгус, который, кажется, знал о мире чуть больше, чем показывал.

— Что дальше? — спросил он вслух.

Моталыга пошевелила фарами-глазами, будто прикидывая маршрут.

— Дальше, — сказала она, — мы идём туда, где что-то громко жужжит и, возможно, нуждается в смазке. Или в обнимашках. Или и в том, и в другом.

Пипсель согласно кивнул и добавил:

— Трынтус.

Пупочек устроился поудобнее на плече у Дрюсика и тихо

вздохнул — так, будто наконец-то оказался там, где и должен был быть.

Дрюсик ещё раз глянул в блокнот, потом убрал его и решительно шагнул вперёд.

— Тогда идём, — сказал он. — У меня ещё много страниц. И много вопросов. А теперь, кажется, стало чуть веселее искать на них ответы.

Тропа петляла среди склизких коряг, будто нарочно старалась запутать всякого, кто осмелится по ней пойти. Дрюсик шагал, прижимая к груди блокнот — тот самый, потрёпанный, с загнутыми уголками, в котором уже теснились сотни наблюдений, гипотез и странных пометок вроде «листья светятся, но не от фонаря» и «облака на вкус как сахарная вата».

— Так, — бормотал он себе под нос, выуживая карандаш. — Фиксируем: «Место обитания аномальных субъектов. Предположительно — перекрёсток всех лесных недоразумений».

Дописать не успел. Из кустов, ворча, как старый примус, который никак не может разгореться, вывалился невысокий, плотный тип с лицом, перекошенным от вечного недовольства. Он пнул кочку, будто она лично ему что-то сделала, и пробурчал:

— Чего уставился? Тут и без твоих глаз тесно!

Это был Жатимус.

Следом за ним, бесшумно, словно тень, просочился

Скользипус. Он двигался так, будто земля сама расступалась перед ним, не желая издавать ни единого звука. Его глаза смотрели куда-то сквозь Дрюсика, будто видели не его, а что-то гораздо более важное — или, может, вообще ничего не видели, а просто хранили в себе тишину. Рот был плотно сжат, будто он хранил тайну мироздания и ни за что не собирался её выдавать.

А потом на Дрюсика налетел Лизимус.

Он был похож на сгусток энергии, обросший шерстью, и прежде чем Дрюсик успел моргнуть, уже сжимал его в медвежьих объятиях, прижимаясь щекой к плечу и радостно взвизгивая:

— Ой, какой ты мягкий! Прямо как подушка, только с карманами!

Дрюсик замер, пытаясь одновременно не уронить блокнот, не задохнуться и не выглядеть слишком удивлённым.

— Убери от меня свои лапы, недоразумение! — рявкнул Жатимус, снова пиная кочку — на этот раз с такой силой, что та улетела в кусты, где что-то недовольно зашуршало. — И вообще, чего вы тут стоите? Воздух портите!

Скользипус лишь выразительно поднял бровь, глядя на блокнот в руках Дрюсика. В этом взгляде читалось столько молчаливого скепсиса, что Дрюсик невольно сжал обложку крепче, будто защищая науку от недоверия.

От неожиданности Дрюсик дёрнулся, и драгоценный блокнот выскользнул из рук, смачно плюхнувшись в при-

дорожную лужу. Вода вспучилась, разлетелась брызгами, а страницы тут же потемнели, впитывая болотную жижу.

— Ох... — простонал Дрюсик, глядя, как чернила расплываются кляксами.

Поднять его он не успел — из-за дерева показалась Пивдосия. Мшистая болотница в сарафане из осоки и шляпке-поганке выглядела так, будто её вырастили прямо в этом лесу, а потом аккуратно нарядили. Она прижала палец к губам и прошипела:

— Тише! Вы тут шумите, как стадо кабанов! У меня настой из подорожника остывает!

Она поправила шаль из изумрудного мха и подозрительно покосилась на мокрый блокнот.

— Блестящее? — прищурившись, спросила она. — Если это фантик, я его заберу.

В этот момент из-за спины Пивдосии робко выглянул Бздун. Бедняга выглядел так, будто каждый шаг давался ему с боем. Он судорожно сжимал ремни на своих плотных штанах, а его уши нервно подёргивались. От него пахло пылью и мятой, но даже этот аромат не мог скрыть его глубокой внутренней тревоги. Он с тоской посмотрел на Дрюсика, словно ища сочувствия, и тихонько захрустел таблеткой активированного угля.

— Не дышите громко, — прошептал Бздун, краснея до корней волос. — Я... я пытаюсь сдерживаться.

Картину довершал Гаверног. Болотный демон в ржавых

латах, обросших ряской, сидел на поваленном дереве, как памятник самому себе. Он философски созерцал гниющий пенёк и, казалось, был единственным, кто наслаждался этим хаосом.

— Жизнь — это тлен, — прогудел Гаверног, не оборачиваясь. — А тишина — это единственное, что стоит ценить в этом болоте.

Дрюсик стоял посреди этой странной компании: ворчливый Жатимус, молчаливый Скользипус, прилипчивый Лизимус, коллекционерка Пивдосия, несчастный Бздун и философ-демон. Они были совершенно разными, несовместимыми, нелепыми — и всё же почему-то собирались вокруг него, как будто он был центром этого безумия.

Лизимус снова попытался его обнять, Жатимус в очередной раз проворчал что-то про «понаехавших», а Бздун испуганно вздрогнул от громкого кваканья лягушки. Дрюсик посмотрел на свой грязный блокнот, потом на эту разношёрстную толпу, которая, несмотря на все трения, уже начала как-то странно группироваться вокруг него.

Кажется, их приключение только начиналось. И, судя по всему, скучно им точно не будет.

— Ну что, — нарушил тишину Жатимус, пнув ногой кочку рядом с мокрым блокнотом, — будем стоять и смотреть, как этот «исследователь» пускает слюни, или всё-таки двинемся? У меня от этого запаха полыни, — он кивнул в сторону Бздуну, — уже в носу свербит.

Бздун испуганно пискнул, прижал руки к животу и сделал шаг назад, едва не запутавшись в собственных мешковатых штанах.

— Я... я стараюсь, — пробормотал он, нервно озираясь по сторонам. — Просто тут такая акустика... каждый шорох отдаётся эхом.

Пивдосия, которая до этого момента с жадностью разглядывала обложку блокнота, вдруг резко выпрямилась. Её шляпка-поганка качнулась, и из неё выпала сушёная черничина, которую она тут же ловко подхватила и спрятала в складках мшистой шали.

— Никаких движений! — отрезала она. — Пока не выясним, что это за «блестящее» упало в грязь. Если это обёртка от конфеты, я её забираю в коллекцию. А если нет — то вы все нарушители спокойствия.

Лизимус, который всё это время не выпускал Дрюсика из поля зрения, вдруг отпустил его плечи и с любопытством подпрыгнул к луже. Он выудил блокнот, брезгливо стряхнул с него тину и протянул Дрюсику. Его глаза светились таким искренним восторгом, будто он вручал не мокрый кусок картона, а сокровище пиратов.

— Смотри, Дрюсик! — просиял он. — Оно теперь пахнет приключениями! И немножко тиной. Это же даже лучше, чем сухие страницы!

Дрюсик принял блокнот, чувствуя, как мокрые страницы липнут друг к другу.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Скользипус, до этого хранивший молчание, вдруг сделал шаг вперёд. Он медленно подошёл к Гаверногу, который всё так же неподвижно восседал на пне, и положил руку ему на ржавое плечо. Демон медленно повернул голову, его глаза, похожие на два мутных омута, встретились с пустым взглядом Скользипуса. Между ними проскочила какая-то невидимая искра — без слов, без жестов, просто обмен информацией на уровне болотных вибраций.

— Они говорят, — прошептал на ухо Дрюсику Бздун, снова хрустнув углём, — что впереди тропа становится опасной. Гаверног чувствует, что там, за поворотом, кто-то нарушает тишину. А для него это... ну, как для меня... в общем, это плохо.

— Кто нарушает? — спросил Дрюсик, пытаясь вытереть обложку блокнота о штанину.

Гаверног тяжело поднялся, и его латы издали звук, похожий на скрежет старой дверной петли. Он посмотрел на эту нелепую компанию, собравшуюся вокруг Дрюсика, как вокруг костра.

— Там, где кончается тишина, начинается хаос, — прогудел демон, и в его голосе впервые проскользнула нотка тревоги. — И если вы, странники, не хотите стать частью этого болота навсегда, нам придётся идти вместе.

Жатимус недовольно фыркнул, скрестив руки на груди:

— Вместе? С этим обнимашкой? С этим ходячим газо-

вым баллоном? И с этим... — он ткнул пальцем в сторону Скользипуса, — который даже «привет» сказать не может? Ну, отлично. Просто великолепно.

— Зато мы не скучные! — радостно воскликнул Лизимус и попытался обнять Жатимуса, отчего тот едва не свалился в кусты.

Дрюсик посмотрел на них: на ворчуна, на молчуна, на оптимиста, на коллекционерку, на стеснительного гоблина и на философа-демона. Они были катастрофой. Они были ходячим недоразумением. Но, глядя на то, как Бздун робко встаёт рядом с Гаверногом, а Пивдосия поправляет свою шаль, готовясь к походу, он вдруг понял: это и есть та самая команда, которую он искал.

— Ну что, — сказал он, открывая мокрый блокнот и стараясь не обращать внимания на расплывающиеся чернила, — записываем: «Команда сформирована. Уровень хаоса — критический».

— Идём! — скомандовал Гаверног, и они, спотыкаясь, ворча и тихонько похрустывая углём, двинулись вглубь леса.

Тропа, до этого момента казавшаяся просто грязной дорогой, начала стремительно меняться. Деревья смыкались над головами, образуя плотный зелёный свод, сквозь который едва пробивался тусклый свет. Воздух стал тяжёлым, пропитанным запахом озона и чего-то сладковато-приторного, отчего у Бздунa уши начали подёргиваться с удвоенной силой.

— Слышите? — прошептал он, вжимая голову в плечи. —

Это не тишина. Это... затишье перед чем-то очень громким.

Гаверног остановился, и его ржавые латы издали протяжный, жалобный стон металла. Он приняхался, раздувая ноздри, в которых застряла ряска.

— Кто-то нарушает границы, — пророкотал он, и в его голосе зазвучала сталь. — Кто-то, кто не уважает покой гнили.

Впереди, из густого тумана, донёсся странный звук: ритмичный, сухой стук, похожий на то, как если бы кто-то методично отбивал чечётку на сухих костях. Жатимус тут же ошетинился, выставив вперёд корявую палку, которую подобрал по дороге.

— Ну вот, началось! — проворчал он, хотя в его глазах промелькнул азарт. — Вечно вляпываюсь в неприятности из-за таких, как вы. Лизимус, если ты сейчас полезешь обниматься к тому, кто там стучит, я лично привяжу тебя к самой колючей ели!

Лизимус не слушал. Он замер, наклонив голову набок, и его шерсть на загривке встала дыбом.

— Там кто-то грустный, — вдруг сказал он, и его голос лишился привычной восторженности. — Он стучит, чтобы его услышали.

Пивдосия, до этого момента бережно пересчитывавшая свои сухие стрекозиные крылья, вдруг замерла. Она прижала шляпку-поганку к голове и прислушалась.

— Это не просто стук, — прошептала она, и её ворчливый тон сменился испугом. — Это ритм «погремушечника».

Если он нас заметит, он заставит нас танцевать до тех пор, пока подошвы не сотрутся в пыль.

Скользипус, который до этого двигался как тень, вдруг резко вырвался вперёд. Он не шёл — он скользил, почти не касаясь земли. Остановившись у края густого заросля папоротника, он обернулся и приложил палец к губам. Его глаза, обычно пустые, сейчас светились холодным, пронзительным светом.

Дрюсик сжал блокнот в руках, чувствуя, как мокрые страницы слипаются между собой. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что там? — одними губами спросил он.

Скользипус медленно указал рукой в сторону поляны, заросшей странными, светящимися грибами. Там, посреди этого сияния, стояло нечто, напоминающее скелет, обтянутый сухой кожей, с длинными, как у кузнечика, конечностями. Оно действительно стучало костяшками пальцев по стволу старого дуба, и с каждым ударом лес вокруг вздрагивал.

— Это Хранитель Ритма, — прошептал Бздун, судорожно глотая очередную таблетку угля. — Если он нас увидит, он решит, что мы — часть его оркестра. А я... я не умею танцевать! У меня от этого... ну, вы понимаете... случаются конфузы!

Гаверног сделал шаг вперёд, его тяжёлые сапоги утонули в мягком мху.

— Тишина — это мой закон, — пробасил он, и его голос, усиленный эхом леса, заставил Хранителя Ритма замереть. — А ты, костяной, нарушаешь мой покой.

Существо медленно повернуло голову. Его пустые глазницы уставились прямо на них. В лесу воцарилась такая звенящая тишина, что Дрюсик слышал, как бьётся сердце Лизимуса и как тихонько поскрипывает сарафан Пивдосии.

— Ну, — прошептал Жатимус, сжимая свою палку, — кажется, сейчас будет либо очень весело, либо очень больно. Дрюсик, пиши: «Первое боевое крещение команды». Если выживем, конечно.

Хранитель Ритма издал звук, похожий на треск ломающихся веток, и резко вскинул свои длинные конечности. В ту же секунду грибы на поляне вспыхнули ядовито-фиолетовым светом, а земля под ногами завибрировала. Ритм изменился: теперь это был не просто стук, а навязчивый, гипнотический бит, который заставлял мышцы непроизвольно дёргаться в такт.

— Не поддавайтесь! — рявкнул Гаверног, втыкая свой тяжёлый меч в землю. — Это ловушка для разума!

Но было поздно. Лизимус, чья натура требовала движения, уже начал притопывать, смешно подпрыгивая на месте. Его глаза затуманились, а на лице расплылась блаженная улыбка.

— Дрюсик, это же музыка! — восторженно прокричал он, пытаясь схватить за руки Жатимуса, который отчаянно со-

противлялся, пытаюсь удержать равновесие.

— Отстань, придурок! — орал Жатимус, размахивая палкой, как дубинкой. — Я не танцую! Я ворчу! Это мой стиль!

Бздун был в панике. Его живот издал угрожающий утробный звук, и он, зажмурившись, присел на корточки, пытаясь «запечатать» себя силой воли.

— Только не сейчас... только не сейчас... — шептал он, глотая уголь горстями.

Пивдосия, чья шляпка-поганка начала опасно крениться набок, вдруг выхватила из складок шали пучок сушёной полыни и с силой швырнула его в сторону Хранителя.

— Тишина! — взвизгнула она. — Я сказала — тишина!

Полынь вспыхнула в воздухе, превратившись в облако едкого дыма. Хранитель Ритма на мгновение запнулся, его костяные пальцы сбились с такта. Этот крошечный провал в ритме был тем, что им нужно.

Скользипус, до этого момента казавшийся отстранённым, вдруг сорвался с места. Он двигался не в такт музыке, а вопреки ей — рывками, зигзагами, словно ломая саму структуру пространства. Он оказался прямо перед Хранителем и, не произнося ни слова, просто приложил ладонь к его грудной клетке.

Раздался оглушительный хлопок, похожий на выстрел. Фиолетовое свечение грибов мгновенно погасло, погрузив поляну в абсолютную, почти осязаемую темноту. Хранитель Ритма замер, его конечности обмякли, и он с тихим шеле-

стом осел на землю, превратившись в грудку сухих веток и старых костей.

Тишина, наступившая следом, была такой глубокой, что Дрюсик слышал, как в лесу падает лист.

— Фух, — первым нарушил молчание Бздун, вытирая пот со лба. — Кажется, пронесло. В прямом и переносном смысле.

Жатимус тяжело дышал, опираясь на свою палку. Он посмотрел на Скользипуса, который уже вернулся на своё место и снова смотрел куда-то сквозь них, и впервые за всё время в его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Ну, — проворчал Жатимус, поправляя одежду, — этот молчун хотя бы полезен. А ты, — он ткнул пальцем в Лизимуса, который всё ещё пытался пританцовывать, — если ещё раз попробуешь втянуть меня в танцы, я тебя в болото сдам.

Лизимус лишь виновато шмыгнул носом, но тут же просиял, заметив, что Дрюсик всё ещё сжимает свой блокнот.

— Ты записал? Ты записал, как Скользипус сделал «бум»? — затараторил он, подпрыгивая на месте.

Дрюсик лихорадочно чиркал карандашом по размокшим страницам, стараясь не обращать внимания на то, как чернила расплываются синими кляксами.

— Записал, — ответил он, чувствуя, как адреналин медленно отступает, сменяясь усталостью. — «Метод борьбы с ритмическими аномалиями: тактильное воздействие и полный дым».

Пивдосия тем временем деловито ползала по поляне, собирая разбросанные кости Хранителя. Она бережно складывала их в свою шляпку-поганку, бормоча под нос:

— Хороший материал. Для декораций в самый раз. И никакой музыки, никакой суеты. Идеально.

Гаверног, всё ещё стоявший с воткнутом в землю мечом, медленно выдернул его. Ржавчина на лезвии, казалось, стала ещё гуще, впитывая остатки фиолетовой магии.

— Мы нарушили равновесие, — прогудел Гаверног, глядя в сторону, где деревья становились всё более искривлёнными, будто их кто-то нарочно выкручивал, как мокрое полотенце. — Хранитель был лишь сторожем. Если мы идём дальше, мы встретим того, кто его поставил. И тот, кто любит тишину, не будет так любезен, как кучка костей.

Бздун, услышав это, нервно икнул. Его живот издал звук, напоминающий отдалённый раскат грома, и бедняга съёжился, будто надеялся стать невидимым.

— Может, вернёмся? — робко предложил он, поправляя ремни на штанах. — Я тут вспомнил, что у меня дома... э-э... настойка из подорожника не допита. И вообще, библиотека сама себя не пропылесосит.

— Никаких возвращений! — отрезал Жатимус, хотя голос его дрогнул, а рука крепче сжала корявую палку. — Мы уже вляпались по самые уши. Если уж помирать, то хотя бы посмотреть, что там, за этим проклятым лесом.

Скользипус, который до этого снова застыл в своей при-

вычной позе — будто растворился в тени, — вдруг резко развернулся и указал длинным пальцем на узкую тропинку, скрытую за густым сплетением колючего кустарника. Там, в глубине, слабо мерцал бледный, почти призрачный свет, будто кто-то зажёл вдалеке одинокую свечу и тут же попытался её спрятать.

— Он говорит, что там выход, — тихо сказал Лизимус, внезапно став серьёзным. — Или начало чего-то ещё более странного.

Дрюсик посмотрел на свою команду. Они были нелепыми, шумными, ворчливыми и совершенно не приспособленными к подвигам. Жатимус готов был ругаться с самой тьмой, Скользипус хранил молчание, которое порой звучало громче крика, Лизимус излучал столько энергии, что, казалось, мог осветить весь лес, Пивдосия была готова превратить любую рухлядь в сокровище, Бздун изо всех сил старался не стать причиной катастрофы, а Гаверног будто держал на плечах тяжесть всего этого болота.

Но когда Дрюсик сделал первый шаг в сторону мерцания, он услышал, как за спиной зашуршали шаги его спутников.

— Эй, исследователь! — окликнул его Жатимус. — Не забудь записать, что я иду первым. Не потому что я храбрый, а потому что не хочу видеть ваши рожи сзади!

Лизимус тут же подскочил к нему:

— Я с тобой! Я буду смотреть вперёд и кричать: «Опасность!», если что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.